ВРЕМЯ

№ 6 (125)
30 июня 2025 г.
Издается с 2015 года

Информационно-просветительская газета.

Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Свердловского регионального отделения НК ИКОМОС, Россия, Информационно-просветительского центра Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО

СТЕФАН САДОВНИКОВ: ЖИЗНЬ КАК ЖАНР

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идёт вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.
Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу…
Арсений Тарковский

...Его живопись – словно метафорическое путешествие, напоминающее структуру классического мифа, в котором герой (художник или зритель) последовательно проходит стадии становления, осознания своей индивидуальности, бунта и борьбы с хаосом и символического исцеления, воссоединения с гармонией и мудростью Вселенной. Эту способность говорить символами, не прибегая к «лобовому» реализму, Стефан Садовников объясняет так: «Для того, чтобы понять творческий процесс познания искусства живописи, мне самому надо принять, что оно, независимо от моей воли, диктует душе некие свои представления о мире. И я, стоя у мольберта, лишь снимаю кальку с того, что наслоилось в душе в виде очередного чувства или впечатления».

Впрочем, этим описанием понимания творчества Садовников вторит Микеланджело, утверждавшему, что искусство живописи – это жанр, дарованный человеку Всевышним, а жизнь – такой же жанр, только уже в руках самого Всевышнего. И задача художника заключается в попытках приближения своего жанрового инструмента к божественному образцу. То же самое имел в виду Пикассо в споре с кем-то из импрессионистов: «Вы говорите, что пишете так, потому что так видите мир. Но я пишу по-своему, потому что я так мыслю мир». Творческая мысль – это всегда попытка постичь мир, понять божественный замысел. Иногда эта попытка превращается в спор Художника с самим собой, с реальностью, со временем, с материалом. У кого-то подобный спор перерастает в настоящую схватку с живописью в попытке отстоять своё видение мира, понимания сути вещей и явлений. Но Стефан Садовников с живописью никогда не спорил и не соперничал, он с ней сотрудничал, пытаясь через диалог с холстом и красками постичь жизнь: «В какой-то момент меня посетила странная, возможно, дерзкая мысль, что все художники – это копиисты мира и бытия, созданного, как бы нарисованного, гениальным Божеством, и мы ничего нового не создаем, а лишь разными средствами, инструментами и воображением моделируем в своих произведениях всё то, что уже было нам дано», – ещё в юности напишет Садовников в своём блокноте.

Садовников Стефан Петрович, 1948 г.р.

Окончил факультеты: филологический, г. Бельцы, МССР, и художественно-графический, г. Кишинев, МССР.

Член Союза художников России.

Член Союза журналистов России.

Член Союза кинематографистов конфедерации России и стран СНГ.

Участник более 70 персональных и коллективных выставок в СССР, МССР, России, Германии, США, Голландии, Израиле и Польше. Работал художником-постановщиком на киностудиях «Молдова-филм», «Телефилм-Кишинэу» и «Фаворит». Был главным художником в кишиневском русском театре им. А.П.Чехова.

Публиковался в журнале «Веси» и газете «Время»; несколько научно-исследовательских статей по генезису геральдических символов средневековых государственных гербов опубликованы в научно-исторических журналах.

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

СТЕФАНТОНИИ

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Николай Заболоцкий,
«Портрет»

Свой новый живописный цикл из десяти картин Стефан Садовников назовёт «Стефантонии». В этом неологизме – суть его диалогов с живописью: «Картину надо уметь ещё и слышать. Её мелодию, и её рассказ, ибо любое слово имеет свой цвет и свою мелодию. А цвет, слово и звук – для меня и есть триединство одушевлённости живописи», – говорит Садовников. И мы без труда слышим в «Стефантониях» не только отзвук имени художника, но и отсылки к тону, симфонии и греческому τόνος, что означает «напряжение». Напряжение, без которого невозможно достичь катарсиса и постичь «полифоничность божественной гармонии» по утверждению Аристотеля.

Внимательность к эмоциональному опыту, способность выразить мысли и чувства через символы, не прибегая к их прямому отображению на холсте, метафоричность образов, воплотившихся в картинах «Стефантонии», наделяют весь цикл необъяснимой мощью на стыке глубинной психологии и мифопоэтики. Не случайно Стефан Садовников в своём стихотворении «Волшебство» (да, он ещё и замечательный поэт и прозаик!) скажет:

«Мне свыше улыбнулось
озаренье –
Рисую то, что видеть не дано.
Души порыв. О чудное мгновенье!
Почти перерастает в полотно».

Здесь четверостишие Садовникова удивительно перекликается с мыслями Заболоцкого, чей отрывок взят в качестве эпиграфа к этой главе. Впрочем, не удивительно, что два лирика и философа мыслят в унисон: переносить на полотно изменчивые, подчас неуловимо-зыбкие приметы души – вот в чём заключается величайший дар художника, его благородное ремесло. Я бы добавил к этому, что живопись для Садовникова начинается там, где пасует слово. И действительно, какими фразами описать текучесть времени и мимолётность светотени, как передать словами буйство палитры, казалось бы, несовместимую с аскетической скупостью манеры письма?

В «Стефантониях» – как в десяти главах нерассказанной притчи – сверкают образы, упрямо отказывающиеся быть понятыми буквально. Это не реализм и не сказка, а скорее хрупкое состояние между сном и полуявью, где каждый цвет, каждый полутон за гранью языка, а каждая фигура или символ – отражение мысли за гранью понятия о предмете. (Кант говорил, что мы можем рассуждать о вещи только тогда, когда у нас есть понимание о ней, иначе вещь является «чистой вещью в себе», то есть, недоступной для понимания). И тут с живописью Садовникова начинается настоящее волшебство: привычные вещи, о которых у нас было своё, устойчивое понимание, вдруг становятся «чистыми», как будто мы до этого ничего не знали о них!

Что это – чудо, ворожба, наваждение, – не знаю... Двести граммов краски, которая перестаёт быть краской под рукой художника, как семь нот, которые перестают быть звуками по воле композитора, – для меня это необъяснимая магия. Сам Садовников говорит, что «...всегда ощущал, приступая к белому холсту, натянутому на подрамник, что начинаю его заполнять очередной копией тончайшего слоя из тайной книги моей души. И не раз ловил себя на мысли, что не я управляю сюжетом, а сам сюжет картины управляет мной», но этим признанием он тоже не объясняет, почему и как зритель, вглядываясь в его картины, понимает, что это – о вечном и непреложном, столь же истинном и простом, как Десять заповедей, и, одновременно столь сложном и трансцедентном, как необъятная Вселенная.

№ 6
30 июня 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

Конечно, можно по-эстетски порассуждать о «лаборатории художника», в попытке объяснить зрителю моё понимание живописи Садовникова. «Смотрите, – сказал бы я, – вот тут линия течёт как струя мёда и – сразу ломает ритм, обрывается, но этим обрывом она как будто рождает свет, правда же? Это свет не из тюбика с краской! Я сознаю, как это происходит, но я не понимаю, как он это делает! А вот тут, видите? Глаз написан как бы небрежно, двумя взмахами «грязной» кисточки, но как этот глаз при этом смотрит на вас взглядом ветхозаветного пророка, он же насквозь смотрит! Я вижу, как это сделано, но я не понимаю, почему происходит такой эффект, как этого можно добиться такими скупыми средствами! А вот тут, глядите: художник, словно ребенок, он как будто впервые видит этот мир, впервые пробует его наощупь: это колется, а это горячо. И, как будто впервые, называет все вещи своими именами. Посмотрите, – сказал бы я зрителю, – вот женщина. Я увидел её и понял, что знаю о женщинах не всё, но как, чёрт возьми, мне даёт это понять Садовников – я не знаю, – всё, что я знаю – это то, что вот тут кисть экспрессивная, как удар, а тут уже мягкая и нежная, как шёпот ребёнка, рассказавшего тебе на ухо сокровенную тайну»...

Конечно, можно было бы сказать, что Садовников мастерски управляет игрой цвета и света, но Сезанн так уже делал. Можно сказать, что пастельные полутона и плавные переходы светотени Садовников унаследовал от Фалька, а образы и метафоры – от Шагала, но всё равно это ничего не объясняет, как не объяснило бы магию стиха Блока или Пастернака, если бы мы сказали, что это потому, что они использовали те же слова, что Шекспир и Пушкин. Как и не объяснить этого хрупкого баланса на картинах Садовникова, где в статике художник находит источник неиссякаемого движения, а в динамике, напротив, застывшую монументальность. И откуда это ощущение свежего ветра, будто ворвавшегося в открытое окно, если даже время на его картинах застывает и перестаёт течь, или вовсе течёт в обратную сторону?

ТАМ ВЕЧНОЕ СТАНОВИТСЯ ЕДОЮ...

Убогие углы – как алтари,
там вечное становится едою,
но вечерами, с первою звездою,
сливая в эхо все пережитое,
оно в себя уходит до зари.

Райнер Мария Рильке

Вот перевёрнутые часы над крышами города, – метафора времени, потерявшего свою опору. Они не отмеряют, а только подсказывают, что всё течёт не так, как мы привыкли. Цепочка жилетных часов превращается в маятник гипнотизёра, а маятник – в путь. И плотная, как гранит, конструкция мира перестаёт удерживать привычные формы, художник даёт им стекать, разрушаться, становиться тенью, как бы «заражая» настоящее образами прошлого, где субъективное восприятие становится важнее объективного времени. Но это не означает для Садовникова конфликт между прошлым, которое не отпускает, и будущим, которое не приходит. Ему достаточно управлять временем внутри себя, создавая собственную реальность вне линейной логики. Сам Садовников скажет об этом феномене: «Ощущение бесконечной текучести времени привело меня к странной мысли о текучести цвета и света, и какой-то энергии, в них живущей». А задолго до Садовникова подобное ощущение очень точно опишет Райнер Мария Рильке: «...Там вечное становится едою». Пожалуй, в этом и заключается основное содержание живописи Стефана Садовникова: посредством символов и метафор художник стремится показать вечное обыденным, а обыденному придать величие вечности. И вечность становится повседневной и насущной как еда, а невзрачный угол обретает сакральность и духовную значимость алтаря.

Вот «невеста в оранжевом» – не персонаж, а явление. И вроде бы, оранжевый цвет должен намекать на изнемогающие под тяжестью плодов рощи апельсиновых деревьев, но в этой картине больше одиночества, чем плодородной страсти, больше ожидания, чем утверждения, больше целомудренности, чем искушения. А не эта ли женщина изображена на девятой картине: уже не невеста, но может быть – муза, или воспоминание, или отражение борьбы между сознательным и бессознательным и растворения во времени? Золото и кармин, индиго и лазурь, глубина и лёгкость, верх и низ – о чём эта интеграция света и тени, внутреннего и внешнего, вымышленного и реального? Сложно сказать, как сложно и провести грань между абстрактными образами крылатых сущностей в кажущемся хаосе цветовых пятен, ощущением агрессивной силы, эмоционального порыва, бешеной энергии и – одиночеством, погружением вглубь себя, ретроспекции, переходящими в тихую исповедь художника.

№ 6
30 июня 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

А вот два профиля – скрипки и женского лица над бокалом слились в один образ: картина сочная и лаконичная, как хороший застольный тост, произнесённый на грани музыки и слова. Здесь человек сам выступает в качестве музыкального инструмента: лицо не просто улыбается, оно «играет», словно знает нечто большее о жизни и наслаждении, чем мы с вами. А в бокале – та самая истина как приглашение: «испей – и услышишь». Что же это? Портрет «внутреннего гедониста», живущего на стыке страсти и эстетики, аллегория маскарада, вечной пьесы карнавала жизни, где каждый акт звучит своей нотой? Впрочем, может, ничего этого и не задумывал Садовников, ведя свой очередной диалог с живописью, ведь для однозначной трактовки на этой картине художник оставил нам только фон: разгорячённо-закатный, почти огненный над условным горизонтом и прохладный, бирюзово-зелёный, как засыпающая в сумерках земля, внизу картины – два состояния души, два времени жизни: эйфория молодости и отстранённая мудрость зрелости.

«Линейного» рассказа в этой картине нет, есть только ощущение момента: наслаждаться жизнью, звучать, смеяться, пить, пока струна не оборвётся. Но здесь очень явно проступает ещё одна особенность художественного приёма Стефана Садовникова: его картинам свойственно «притворяться» простыми и лёгкими для восприятия, хотя в них сокрыто глубочайшее бремя осознания. Так и здесь, когда ты понимаешь, что художник передал это хрупкое ощущение того, что радость жизни не вечна, но в радости и кроется правда жизни. Подобное ощущение писатель Милан Кундера назвал «невыносимой лёгкостью бытия».

ХУДОЖНИК НАМ ИЗОБРАЗИЛ...

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст как струпья положил.

Осип Мандельштам,
«Импрессионизм»

Одна часть работ из цикла «Стефантонии» необычайно экспрессивна, с нарочито рваной композицией, распадающимися на части фигурами, цветами конфликта, напряжения, боли. Другая, напротив, изящна, исполнена мягкими полутонами, идеализированными образами, покоем и почти ренессансной гармонией. Тем не менее, все они об одном: они о том, как отражается мир в душе художника, наполненной воспоминаниями и размышлениями, событиями и метафорами, мечтами и принятием реальности, болью падений и памятью о радости полёта. Это мир, где отсутствие привычного драматизировано до боли, где пустота может говорить громче, чем любые предметы; мир в котором отрицание формы превращается в форму, мир, в котором время течёт не по циферблату, а по памяти, в котором цвет не для красок, а для диалога; мир в котором символы – живые и крылатые – своей исповедью значительнее того, что мы способны увидеть глазами, как тишина может быть значительнее крика, как тихий плач женщины может быть громче симфонического оркестра, как доверчиво протянутая ладонь ребёнка может быть больше земной тверди.

«Для меня цветок, бабочка, незаметная глазу болотная былинка, и даже простая земля и песчинка – божественные явления великой симфонии цвета и света. Как и разнообразные чувства, испытываемые человеком», – говорит Стефан Садовников. И, может быть, волшебство его живописи как раз в таком восприятии мира, в том, что художник не «рисует» нам истории, – он даёт им вырасти в самом зрителе. Конечно, можно сказать, что уловка модернизма именно в этом и заключается: зритель волен предполагать в картине всё что угодно! Но Садовников не об этом, на самом деле его живопись ясна и прозрачна. Она – о буднях, вздувающих вены и обветривающих лица, которые преображаются в праздники, веселящие душу и бодрящие кровь. Она – о старинных заброшенных уголках, которые становятся центром земли, где корка хлеба и стакан доброго вина – пир, а случайно встреченная девушка из местечка – символ вечной женственности. Мимолётное, уже невозвратное мгновение замирает в картине непрерывно длящимся настоящим. Где вино в стакане не кончается, женщина не стареет, силы не покидают тело. Где даже короткая человеческая жизнь – навсегда. И любовь – навсегда. И печаль, и радость – навсегда. И порыв ветра, запутавшийся в холсте, никогда не погасит семь зажжённых свечей. И птица, не случайно залетевшая на их свет, никогда не вылетит за раму картины...

...Так что же он «нам изобразил», этот художник? Всё очень просто: жизнь. Стефан Садовников изобразил жизнь как жанр, где «на волне звезда, и человек, и птица», где жизнь – как чудо из чудес. А внятного объяснения чуду быть не может. По крайней мере, я не мастер его объяснить...

Дмитрий Гладкий, публицист,
психотерапевт, д.п.н., Москва

№ 6
30 июня 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

18+

ВРЕМЯ. Информационно-просветительская газета. № 6 (июнь 2025). Выходит 1 раз в месяц.
Учредитель: СДК «Банк культурной информации». Главный редактор: Т.Е.Богина.
Адрес редакции и издателя: 620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51.
E-mail: ukbkin@gmail.com Тираж 5000 экз. Распространяется бесплатно.

Зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу ПИ № ТУ66-01274 от 30 января 2014 года.
Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт». 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж.
Печать офсетная. Подписано в печать 29.06.2025 по графику: 17-00, по факту: 17-00.